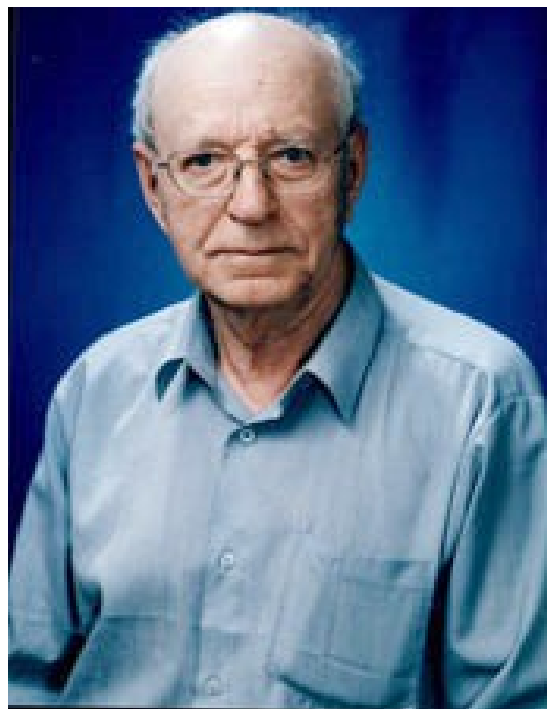

Российская научная конференция, посвященная памяти

А.В. ПОТЕМКИНА

18 сентября 2014

Участвовали:

1. Бакулов В.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук ЮФУ
2. Мареев С.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии СГУ (Москва)
3. Иващук О.Ф. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук ЮФУ
4. Коротец И.Д. – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ
5. Потемкин Н.А. – кандидат философских наук, руководитель проектно-аналитической группы НП "Экспертный клуб промышленности и энергетики" (Москва)

6. Шипелик О.Н. – кандидат философских наук, доцент ТТИ ЮФУ (Таганрог)
7. Предеина М.Ю. – кандидат философских наук, доцент ЮУрГУ (Челябинск)
8. Субботин А.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук ЮФУ
9. Кочетов М.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук ЮФУ
10. Трохимчук Е.А. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук ЮФУ
11. Прокопович Ю.А. – аспирант Института философии и социально-политических наук ЮФУ
12. Лисицына А.Г. – аспирант Института философии и социально-политических наук ЮФУ
13. Волков М.В. – старший лаборант кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук ЮФУ

В.Д. Бакулов, открывая конференцию, приветствовал участников и отметил символичность факта, что первое научное мероприятие Института философии и социально-политических наук посвящено человеку, которого можно считать вдохновителем и прародителем Института, человеку, без усилий которого не было бы философского факультета РГУ, вместе с его продолжением – факультетом философии и культурологи ЮФУ и сегодняшним Институтом философии и социально-политических наук. Директор Института пожелал ростовской научной школе достойно принять и продолжить эту духовную эстафету.

С.Н. Мареев. Философия – наука о мышлении. Эвальд Васильевич Ильенков, считал, что философия – наука о мышлении. Многим это казалось «узким» пониманием, «гносеологизмом» и пр. Но за таким пониманием стоит вся классическая традиция, от Платона и Аристотеля до Гегеля и Маркса. И только с приходом позитивизма философия была объявлена «метафизикой», с наукой ничего общего не имеющей. Под наукой уже понимали только естествознание. Но, скажем, у Аристотеля это совсем не так. Согласно известному месту из «Метафизики», помимо «частных наук», – такое наименование впер-

вые ввел именно Аристотель, – должна существовать также «общая наука», которую он называет «Первой философией». То что с некоторых пор стали называть у Аристотеля «Метафизикой», и есть изложение его «Первой философии», а предмет ее – Мышление. Поэтому «Первая философия» есть мышление о мышлении, и она уже мыслится как Логика, чем, собственно, и была вся греческая философия, начиная с Фалеса. У Гераклита и Парменида это уже совершенно явным образом Логика, которую Платон назовет диалектикой.

Философия как общая наука есть наука о всеобщем. Но что есть всеобщее? Обычно его ищут на небе, или на земле. Но если рассуждать в рамках оппозиции частные науки – общая наука, то встает вопрос, что является общим для всех наук? Иногда говорят, что всякая наука есть прикладная логика. То есть это логика, «приложенная» к особенному предмету. А, иначе говоря, это мышление, «приложенное» к особенному предмету. Общим для всех наук является Мышление. И его не может изучать никакая другая наука, кроме философии. Все другие науки есть, как говорят, объектные науки, т.е. науки, имеющие свой объект за пределами нашего мышления. И только в философии мышление имеет предметом самое себя.

Уже в благословенные советские времена на Ильенкова «катали бочку»: как же, как же, мышление, – а куда вы денете «чувства», всяческие «ценности» и т.п.? Это были такие «товарищи», как Генрих Степанович Батищев, Галина Александровна Давыдова и др. Чтобы это постичь, говорили они, нужно уже не мышление, а другие способности. Но, простите, разве Сократ не рассуждал о совести, красоте, мужестве? И логикой такого рассуждения была диалектика. И разве Ильенков не писал об искусстве, нравственности, религии, и, думается, понимал эти вещи.

Тут вся проблема в диалектике. Те, которые выступают против науки и мышления, понимают науку как рассудочную науку, а мышление как рассуждение, подчиняющееся рассудочной логике, которую Гегель назвал «метафизической». Здесь надо сказать, что, как заметил Гегель, схоластика убила в Аристотеле живое, она выхолостила «Метафизику» Аристотеля, превратив ее исключительно в «онтологию», в учение о Бытии. Но у Аристотеля учение о Бытии совпадает с учением о Мышлении. Это учение об одних и тех же формах, о категориях, которые, по Гегелю, как он выражался, есть и Sache, и Sage, и вещь и вещание, как это можно перевести на русский язык. В этом и

состоит тождество Бытия и Мышления, о чем писал Ильенков и от чего бесились «диаматчики», которые разлагали единое целое на «онтологический аспект», «гносеологический аспект», а потом еще «аксиологический аспект». А «аспект» это значит, с какой стороны посмотреть. Но целое не есть арифметическая сумма «сторон». Оно целое и должно быть понято как целое. А логика целостности, «тотальности», как ее именовал Гегель, есть опять же диалектика. А когда мы ее утратили, то все и развалилось на «аспекты».

Поношение «науки» – это наследие позитивизма, который господствовал в науке и философии сто лет. Сказали позитивисты, что любовь – не предмет науки, а предмет исключительно поэзии. И всяческие «философы» это подхватили и тоже закричали, что философия – не наука, а поэзия, «эротическое искусство», как ее назвал Бердяев. Вот и занимаются они этим «искусством» до умопомрачения. Но на личности мы переходить не будем.

О.Ф. Иващук. О значении концепта «диатрибическая традиция» в определении предмета, генезиса и специфики философии. Термин «диатрибическая традиция» [1] обозначает у А.В.Потемкина не просто определенный культурный феномен, который может быть описан как данность, хотя такая данность и существует, но является методологемой, продуктивность которой сам А.В. показал при решении проблемы определения предметного поля философии, ее генезиса и места в современной культуре. Но оценить эту методологическую сторону не всегда легко, потому что это требует прояснения некоторых предпосылок, на которые мы здесь попытаемся указать. Диатрибическая традиция функционирует в качестве практически-истинной абстракции как самой философии, так и порождающих последнюю культурных оснований.

Термин «практически истинная абстракция», или «абстракция с реальностью», широко использован К.Марксом в «Капитале» и подготовительных рукописях [2], но появляется уже у раннего Гегеля [3]. Он обозначает характерную особенность развивающихся систем: когда такая система достигает максимально богатого конкретного развития, она свое основание обособляет и наделяет наличным бытием в виде одного из своих элементов, который своей особенностью воплощает свой собственный общий тип. Так деньги в системе товарного обмена на его развитой стадии своим наличным бытием представляют закон движения всех элементов товарообмена, они – товар, который, будучи,

как и все другие товары, элементом системы, персонифицируют всякий другой товар. Теоретику это на руку: чтобы выяснить, что делает любую вещь товаром, а не просто физическим предметом или полезным предметом, достаточно установить специфику функционирования денег. Они служат для обмена, это и есть закон, связывающий вещи как товары в системное единство, следовательно, быть товаром – это значит, существовать для обмена. При этом, позволяя прочесть системное всеобщее, реальная абстракция еще отнюдь не показывает, как стала возможной такая система во всем богатстве ее различий, т.е. деньги отнюдь не являются реальным основанием системы, они только проявляют его своим особенным бытием, которое надо отличать от всеобщего.

Диатрибическая традиция в европейском историко-философском процессе тоже, с одной стороны, является самопроговариванием, практическим абстрагированием того, что делает всякую философию философией. Что может быть лучше для исследователя: история философии сама проговорила, что она такое есть вообще, проговорила словами Аристотеля, повторенными потом всей диатрибикой, включая учебники и справочные пособия: философия наука о всеобщем! Но тут и начинаются трудности: диатрибическая формула философии – это формула, в которой всякая специфика погашена, и потому ни одна философия в ней себя не признает, даже аристотелевская – и та с оговорками. Тем не менее, только эта отрицательная формула и позволяет далее выявить конкретно-историческое различие простой и прочих надстраивающихся исторических форм [4] философствования, для этого нужно поместить ее в тот исторический топос, где мыслительная культура впервые формулирует вопрос о всеобщем и его отношении к единичному, это будет началом философии как таковой, дифференция же в понимании смысла всеобщего, образующая отстояние исторически реальных форм философствования от диатрибики, и будет тем исходным различием, развертывание которого позволяет в движении истории философии видеть не просто нагромождение мнений, но, при всем богатстве и незаданности реальных ответов и форм постановки вопроса о всеобщем – определенную упорядоченность: восхождение к конкретному.

И.Д. Коротец. Диалектика как актуальный метод познания. Алексей Васильевич Потемкин как один из самых культурных мыслителей нашего университета и России всегда понимал диалектику как способ познания мира, осуществляемый живым свободным человеком. Диалектический метод

познания понимается многими его сторонниками как бесконечный универсальный синтез целостного многообразного, осуществляемый во всеобщей форме в каждый конкретный момент исторического процесса. В определенной когнитивно-культурной ситуации диалектическая ориентация мыслителя формирует концентрацию познающего субъекта на актуальных проблемах, требующих разрешения в пространстве системного воспроизводства.

Какую доминантную задачу решает современная планетарная диалектика как форма всеобщего проблемного синтеза? Можно выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой в информационном обществе должен/может произойти скачек от *homo sapiens* к *homo poeticus* – человеку понимающему [5, с. 198-199]. Этот переход является обоснованным по причине потребности в личностной ориентации актора информационного пространства в соответствующей сетевой системе. Устройство виртуальности, как показывает эмпирическая реальность, нейтрализует действие обязательных норм. Поведение агента сети в этом случае нуждается в его персональной саморегуляции, которая может быть создана в случае адекватности личностной ориентации, создаваемой специфической формой понимания.

Ресурсов для подобного понимания и саморегуляции человека в пространстве культуры еще нет. На этом основании можно утверждать, что основная задача современной диалектики – осмыслить формат культуры, в котором может создаваться и жить *homo poeticus* информационного общества.

Н.А. Потемкин. Новые возможности выхода из пределов диалектики: философская работа в контексте развития инженерии интеллектуальных систем.

1. Можно по-разному понимать и трактовать специфику того, что обычно относят к философии, но одно можно считать бесспорным: это всегда некая интеллектуальная деятельность. Под именем философии нам явлен прежде всего некий интеллект, его работа и результаты этой работы.

2. Философия как определенная работа интеллекта, по словам Платона и Аристотеля, начинается с удивления. Это удивление (удивляние, *thaumazein*), на наш взгляд, противопоставлено «теории». Работа интеллекта начинается не с теоретического (*theoretikos*) рассмотрения, отстраненного и незамутненного заинтересованным участием или чувствами, а с удивления (*thaumazein*), то есть с пристального всматривания в то, с чем ты непосредственно столкнулся

и в чем задействован, что волнует и восхищает или, наоборот, вызывает недоумение. Это удивление тому, что ты обнаружил в процессе целеустремленного поиска. Интеллект тут уподоблен охотнику, который в восхищении рассматривает обнаруженные им следы потенциальной добычи, он всегда ищет предмет, достойный восхищения или изумления. Философия, как полагал Николай Кузанский, есть и описание полей для охоты мысли и сама охота.

3. Алексей Васильевич Потемкин, был наделен в достатке этим духом охотника и следопыта. В частной жизни он был заядлым охотником за грибами, и эта лесная охота была для него самым радостным среди отдохновений. С таким же азартом и энергией он «рыскал» и по «полям охоты за мудростью», находил философские «грибные места».

4. А.В. Потемкин отстаивал точку зрения, согласно которой особенность подлинной философии как явленности определенной интеллектуальной работы, заключается в том, что эта интеллектуальная деятельность направлена одновременно и на изучение и на формирование интеллекта. По большей части, те мыслители, которых традиционно числят философами, в своих работах так или иначе обсуждают, рассматривают и изменяют сам интеллект и его деятельность. Мысль, ее возможность, принципы и правила деятельности ума, являются тем основным предметом, что обсуждается и трансформируется в большинстве этих работ.

5. Философию эвристично рассматривать не как набор или совокупность продуктов и результатов мышления философов, а как актуально осуществляемую деятельность, как свободное искусство, как набор техник, стратегий и тактик интеллектуальной работы. Тут возникает некая двойственность. С одной стороны, философия сама есть определенный способ работы интеллекта, которым надо овладеть, как овладевают искусством фехтования, борьбы или стрельбы из лука. С другой стороны, философия направлена на рассмотрение и формирование интеллекта, удерживает правильную работу ума как предмет и цель своей работы.

6. Такой подход к определению сути философской работы противостоит широко распространенным взглядам. В настоящее время возобладали диатрибическая традиция в понимании специфики философии. Философия в этой традиции трактуется как особая наука или особое знание, знание о первых причинах и принципах всего сущего. Формулировки могут быть разными, но

так или иначе все они результат формальной натурализации онтологических схем. Диатрибика по А.В. Потемкину – это продукты философской работы, переработанные и симплифицированные для массового школьного и университетского обучения. В диатрибической традиции философия превращается чаще всего в набор общих мест и сентенций непонятного назначения.

7. Удивительно, но чаще всего пренебрегают тем обстоятельством, что главной и основной формой существования человека сегодня стали системы коллективной деятельности. Это предприятия, фирмы, лаборатории, институты, клиники, театры, редакции. Люди занимают определенные функциональные места в этих системах, формируются ими и для них, действуют внутри и вовне, действуют от имени таких систем. Люди размышляют, спорят, обсуждают сложившуюся в таких системах ситуацию, строят планы действия, а иногда даже проекты изменения этих систем. Можно сказать, что такие системы коллективной деятельности предполагают формирование особого типа субъектов, носителей смысла, целей, технологий и ценностей некой коллективной деятельности, команд-субъектов.

8. Соответственно, интеллект сегодня было бы перспективно рассматривать как важнейшую функцию в жизни таких систем. Мы имеем дело с тем, что можно назвать «системой с интеллектом». Функция интеллекта в этих системах – обеспечение принятия рациональных решений в сложных ситуациях, анализ и оценка обстановки, корректировка целей, планирование действий. В некоторых случаях требуется перепроектировать отдельные части системы или даже всю ее организацию.

9. Работа по изучению и разработке методов и логик работы так трактуемого интеллекта находится сегодня в самом начале. Разворачиванию такой работы серьезно препятствует несколько «предубеждений»: человек – это прежде всего отдельный индивид, что интеллект приурочен к этому индивиду и индивидуален, что основной формой интеллектуальной деятельности является исследование.

10. В последние несколько столетий наиболее бурно развивавшимся видом интеллектуальной деятельности была наука. Ее формы, методы и техники стали распространяться на другие виды интеллектуальной деятельности. В этой интеллектуальной деятельности формируются и развиваются методы познания, работа того, что Аристотель называл познающим умом.

11. За пределами внимания философии до сих пор остается тот вид интеллекта, который Аристотель называл созидательным или творящим умом. Представляется, что в современном мире этот вид интеллектуальной деятельности реализуется в инженерии и инжиниринге, а также в организационной и управленческой деятельности. Как устроен и как работает этот вид интеллекта, вот вопросы, которые формируют повестку для философской работы на ближайшие десятилетия.

12. В XX веке накоплен неоднозначный опыт распространения инженерных методов на социальную и гуманитарную сферы. История инженерной психологии и социальной инженерии, анализ и оценка их методов и результатов, а также последствий необходимы как часть философской работы по развитию практического разума. Здесь еще и еще раз придется возвращаться к Кантовскому различению царства природы и царства духа с его целевой причинностью.

13. Интеллектуальные системы и системы с интеллектом выдвигают на первый план проблематику коммуникации как основного интеллектуального процесса. Это предполагает выделение набора интеллектуальных процессов, отличных от мышления, но не менее важных для интеллектуальной системы и системы кооперированной деятельности.

14. Особое и новое значение в контексте развития инженерии систем с интеллектом приобретает изучение рефлексии, как функции системы и механизма самоорганизации и соорганизации различных участников интеллектуальной деятельности.

О.В. Шипелик. Проблема начала культуры (предкультурных форм преемственности) в антропосоциогенезе.

Разработка проблем антропосоциогенеза имеет важное значение для науки, поскольку позволяет дать естественнонаучное объяснение происхождению человека. Хотя в конце XX – начале XXI вв. были заполнены лакуны промежуточных типов формирующегося человека, однако проблема начала культуры и общественного труда до сих пор не получила однозначного решения. Как показали новые научные открытия в археологии, антропологии изготовлением каменных орудий занимался уже австралопитек (2,5 млн. лет назад) [6]. Является ли производство орудий труда критерием возникновения культуры? На каком из этапов формирующегося человека возникает культура (предкультурные формы преемственности).

Для ответа на эти вопросы воспользуемся функционально-генетической концепцией культуры, разработанной А.В. Потемкиным. Согласно этой концепции культура представляет собой «совокупность обособленных форм, которые существуют и функционируют в рамках особых социальных институтов ...» [7, с. 482]. Но исторически и генетически культуре предшествуют предкультурные формы преемственности, в основе которых лежит трудовая деятельность. Предкультурные формы преемственности – это начальная ступень развития культуры, однако отличающаяся от нее по качеству. Культура – это социальный институт, а предкультурные формы преемственности предполагают единство материальных и идеальных моментов труда, подражание навыков, умений младших у старших. Необходимо считать главное методологическое достижение в науке конца XX в., на которое опираются исследователи в области антропосоциогенеза – принцип непрерывности и эмерджентности. Из этого следует, что общественный труд и культура (предкультурные формы преемственности) появлялись постепенно и в то же время отличаются подлинной новизной. Формой деятельности переходных типов человека (австралопитек, человек умелый, человек прямоходящий) являлся инстинктивный труд. Однако уже у человека прямоходящего можно обнаружить моменты формирования общественного труда и культуры (предкультурных форм преемственности). Удлинение периода детства стало необходимым не только с биологической точки зрения, но и со стороны социальной организации, т.е. воспитания. Дальнейшее развитие получил домашний труд. Окончательно культура (предкультурная форма преемственности) оформляется у неандертальцев. Дальнейшее развитие получила охота, как исторически развивающаяся форма труда. Широкое распространение получили ритуалы, колдовские обряды, магия, связанные с охотой. У неандертальцев существовали строгие правила, регулирующие отношения различных групп. Смысл охоты как формы труда заключался в символических, неутилитарных действиях, передающих информацию нравственного, эстетического, религиозного значения.

Таким образом, моменты культуры (предкультурных форм преемственности) в антропосоциогенезе можно обнаружить у человека прямоходящего, позже – у неандертальца. Основой культуры является возникновение общественного труда (не инстинктивного). Общественный труд выступает средством хранения и передачи смыслов, значений, которые регулируют деятельность, поведение, общение формирующегося человека.

М.Ю. Предеина. Субъектно-объектное отношение как «первичная клеточка» метода.

Рациональное содержание всей философии с ее рождения до ее конца коренится в поисках ответа на вопрос об отношении мышления к бытию.

А.В. Потемкин

Вопрос об отношении мышления к бытию в его традиционной (диатрибической) определенности абстрактен: в нем отсутствует основание данного отношения – действующий человек. Вопрос предстает в своей односторонности – бог или мир – и утрачивает актуальность в положительной науке: его источник любопытство философа-созерцателя – праздное и досужее. Поэтому актуализация вопроса происходит в его конкретизации, как в выявлении деятельного основания, или в «отношении идеально-преобразовательной деятельности к материально-практической деятельности» [8, с. 133].

Отношение мышления к бытию обнаруживает себя как отношение субъекта к объекту и существует в деятельности – в ней человек выделяет себя из бытия. Оно (отношение) возникает до своего осознания в вопросе: человек существует как человек в противостоянии миру, в изменении мира (и самого себя). Вопрос – осознание отношения – превращает деятельность в предмет рефлексии, открывает проблему метода.

Метод направляет деятельность и сам направляется ею – деятельность выражает свою конкретно-историческую определенность в методе. Отсюда ограниченность деятельности проявляет себя в абсолютизации одной из своих сторон – или субъекта – «Единственный» – или объекта – «люди суть продукты обстоятельств» – и в совпадении этих «абсолютов» в движении по кругу, выход из которого в деятельности-изменении и субъекта, и объекта – в «революционной практике» [9, с. 2].

Преодоление ограниченности деятельности закрепляется в измененном методе – в диалектике субъекта и объекта. Здесь они (субъект и объект) существуют в движении – как моменты познания-практики – и оба активны: субъект вовлекает нечто в свою деятельность, превращает его в объект для себя и нечто, ставшее объектом, «реагирует» на воздействие – превращается в «квази-субъект».

Такое превращение объекта в субъект (или в «квази-субъект») выражается – по Лифшицу – в мифе, в неосознанной фиксации взаимодействия чело-

века с бытием. Человек своими действиями «вызывает бытие на себя», «превращает субстанцию в субъект» [10]. Этим он раскрывает внутреннюю активность бытия: последнее, как «мертвый» объект – абстракция субъекта.

В мифе активность бытия ущемляет деятельность человека. Поэтому она (деятельность) высвобождается в «омертвлении» бытия в ремесле и механике, что оборачивается и «омертвлением» субъекта – «человек-машина». Отсюда предел данного высвобождения – «человек-машина» не может изменить мир.

Универсализации деятельности «оживляет» субъекта, доводя его до «критического» субъекта «философского коммунизма». И... наталкивается на объект: восстание силезских ткачей – как подчеркивает Потемкин – разбило иллюзию о пассивности пролетариата [8, с. 84]. В этой встрече – точнее, в ее осознании – сопрягаются активности субъекта и объекта, создаются условия для «посюсторонней» деятельности.

А.И. Субботин. Диалектика внутри и вне нас (памяти А.В. Потемкина). Я помню Алексея Васильевича Потемкина с 1969 года, и расскажу о трех моих самых ярких о нем воспоминаниях.

1. Первая с ним встреча состоялась в студенческой аудитории, в корпусе физфака, что на Западном. Это было первое занятие по курсу «Введение в специальность», т.е. – в философию, которую вел он. Никто из нас, в составе 60 человек (две группы) не представлял, что это такое. Он вошел в аудиторию, оглядел всю нашу шарагу и сказал своим тонким, интеллигентским голосом: «Ну и серость!» Все воззрились на него, услышав абсолютно не то, к чему привыкли в системе среднего образования, ничего не поняв и ожидая продолжения. Конечно, никто из нас, получивших воспитание в советской школе, даже не подумал что-то ответить на эти его слова: учитель всегда прав. Хотя многие, – а среди нас были «дети» возрастом под тридцать (Юра Алексеев, Андрей Головастикив, Володя Гуленков и др.), – слегка обиделись. Мне эти слова тоже показались сначала обидными, но потом, поразмыслив над ними, я пришел к выводу, что он имел полное право так сказать. Ведь так оно и было на самом деле, и, размышляя над этим далее, я отметил, что он ведь не стал рассусоливать о нашем «большом будущем», о нашем «предстоящем огромном вкладе в строительство коммунизма», о «необходимости приложить все силы» и т.п. Он сделал нечто диалектически противоположное, причем в довольно резкой и деловой форме: он в трех словах дал нам всем понять, что, как философы, мы – никто, и у него

есть большие сомнения, что, в этом плане, мы станем кем-то. Фактически, это был вызов профессионала (интеллектуальный пинок цехового мастера новонабранным ученикам). Не знаю, кто как, но я именно так его расценил, и потом, за все время обучения, пытался на него отвечать.

2. Второй эпизод (ответ на пинок) произошел уже на четвертом курсе, когда он вел у нас спецкурс по своей недавно вышедшей книге «О специфике философского знания», которая вызвала среди философской публики неоднозначную реакцию (из-за того, что Алексей Васильевич предпочитал не повторять московских корифеев марксистско-ленинской философии, а имел свою точку зрения). Очевидно, желая выяснить, как понимают его книгу студенты, он предложил на зачете такой порядок: отвечать по вопросам или по (о) книге. И я, прочитав книгу, решил выбрать второй вариант. Моя сдача зачета происходила так: он спросил со скучным видом, буду ли я пересказывать книгу (а я сдавал не первый), и я ответил – нет. Он сказал, с явным отвращением, – будете критиковать? Я снова ответил – нет. Тогда он заинтересовался, видимо, не представляя себе третьего варианта: что я мог сказать о его книге, чего не знал бы он сам? А я за три минуты рассказал ему, что главы в его книге – по содержанию и по последовательности – точно соответствуют трем законам диалектики: противоречия, отрицания отрицания и перехода количественных изменений в качественные, с ссылками на текст. Он смотрел на меня, широко раскрыв глаза и склонив голову направо, и поставил зачет без дальнейших вопросов. Тогда я решил сам задать ему вопрос и спросил, – если все, что я сказал, правда, то почему он сам не написал об этом в книге? На это он ответил, что не ставил перед собой такой задачи, из чего я понял, что диалектика была у него в голове, в подсознании, и работала при написании текста не категориально, а как-то скрыто, интуитивно.

3. Третий эпизод имел место незадолго перед Российским философским конгрессом 2002 года в Ростове-на-Дону; в тот период оказалось, что наши политики обругались до того, что самим надоело, перешли на иронию и стали использовать цитаты из басен Крылова для оценки поведения и политических позиций друг друга (тогда спорили коммунисты и демократы – кто же из них развалил СССР и Россию), типа – «как ни садитесь – все в музыканты не годитесь», «слона-то он и не заметил», про лебедя, рака и щуку и т.п. Я перебрал все басни Крылова, чтобы уточнить основания такого цитирования, и был

приятно удивлен, выяснив, что практически все они отражают те или иные типичные явления тогдашней нашей политической действительности («Волк и ягненок», «Свинья под дубом», «Кот и повар», «Мальчики», «Щука», «Обезьяна», «Пустынник и Медведь» и т.д.). Я написал об этом заметку в газету «Академия» и забыл. Но на Конгрессе в первый же день авторам выдавали книжки Материалов, и во втором томе я наткнулся на тезисы А.В. Потемкина «Антропоцентризм метафилософского скептицизма И.А. Крылова», где речь шла о том же самом. Я был потрясен и на следующий же день нашел Алексея Васильевича на Конгрессе и высказал ему свое восхищение его острым культурологическим взглядом (мне неизвестно, чтобы кто-то еще тогда писал так о Крылове). Потом оказалось, что он писал об этом еще тремя годами раньше (в 1999 году и тоже в газету «Академия»), – я узнал об этом из его книги «Метафилософские диатрибы на берегу Кизитеринки» (2003; текст есть в интернете). По этой книге я впервые познакомился с его докторской диссертацией, и мог оценить скептический (точнее – иронический) стиль его философского мышления, – за анализом философских споров древнегреческих философов скрывается насмешка над схоластическими, по сути, спорами диалектиков советского времени. Мне показалось, что его философская позиция явно соотносится с позицией Эразма Роттердамского, выраженной в трактате «Диатриба, или рассуждение о свободе воли». Тогда же я узнал о его философской судьбе, о его знаменитом отзыве на московский учебник по истории философии (1962) и о бесчинствах экспертного совета ВАК, дважды не пропустившего его уже защищенную диссертацию. Я не знал только, что меня самого ждет та же участь на этом совете, хотя и могу гордиться, что наши с ним судьбы совпали в этом плане. Свобода самоопределения важнее любых званий.

М.Н. Кочетов. К вопросу о наличии психики у животных. Данными размышлениями я продолжаю ту точку зрения, которая была у Алексея Васильевича Потемкина по поводу соотношения человеческой психики и поведения животных. Потемкин всегда оставался на декартовых позициях различения автоматизма животных и появления у человека возможности нарушения этого автоматизма, возможности самому управлять своим поведением. Алексей Васильевич был одним из тех редких ученых, которые неустанно обращали внимание других на скрытые установки, которые исподволь руководят мышлением исследователя и, в частности, на опасность антропоморфизма.

Современные исследователи мышления животных используют для описания разумного поведения млекопитающих и птиц термины и слова, которые ранее многие века использовались для описания поведения и мыслительных процессов человека. Это создает неоднозначную ситуацию, в которую, вполне возможно, попадают сами зоопсихологи. Неоднозначность заключается в том, что такое использование старых терминов и понятий ведет к неосознанному приписыванию поведению и высшей нервной деятельности животных характеристик, которые характерны для человека. В частности – способность животных к обобщению, к отвлечению наиболее характерных свойств окружающих предметов, "ориентировка в условиях задачи, анализ входящих в нее компонентов, выделение ее наиболее существенных частей и соотнесение их друг с другом"[11, с.311]. А предположение у животного протекания подобного рода "мыслительных" операций влечет за собой предположение о существовании у него психики и, в конечном счете – так называемого внутреннего мира.

Здесь мы хотим высказать предварительные соображения по поводу этого понятия – внутренний мир. Внутренний мир – этот термин из психологии человека, который можно расшифровать как возможность создавать и иметь копию мира в своем внутреннем взоре и памяти. Этот образ не имеет непосредственного (а вполне возможно и отложенного) практического или адаптивного значения. В данном случае мы говорим только о копии мира, не об эмоциях, связанных с самим миром или его отражением, не с нравственностью или более тонкими образованиями психики. Ученые, которые говорят о наличии мышления и абстрактных понятий у животных, невольно толкают себя и других на убеждение, что у животных имеется такое чисто человеческое образование. Наличие такой копии внешнего мира перед своим внутренним взором кардинально меняет, на наш взгляд, поведение существа. Однако наша гипотеза состоит в том, что для объяснения необычных поведенческих реакций животных, которые внешне похожи на мыслительную деятельность человека, не обязательно привлекать предположение о существовании у них внутреннего мира. Поведение животных вполне укладывается в то, что называется предметно-образным или предметно-практическим мышлением, т.е. когда животное действует в соответствии с ситуацией и теми предметами, которые в этой ситуации находятся. Вряд ли тут можно

говорить об отвлечении существенных признаков предмета, так как животное находится в полном подчинении тем связям, которые зримо, осязаемо существуют между предметами и самим животным. Здесь нет понимания, схватывания в смысле отвлечения. Это скорее "мышление мышцами", когда использование объективных связей между предметами происходит в момент оперирования с самими предметами и не выходит ни в какое абстрагирование, здесь не создается внутренней копии мира.

Е.А. Трохимчук. Миф и культура в трудах А.В. Потемкина.

Философское наследие А.В. Потемкина отличается широтой и разнообразием осмысляемых проблем. Специфика философского знания, различные аспекты античной философии, факторы генезиса науки, экзистенциальная проблематика, специфика трансформаций высшего образования – все эти темы в равной степени составляли предмет исследовательского интереса одного из известных представителей ростовской философской школы.

Не остается без научного внимания А.В. Потемкина и область философии культуры, оформление которой в отдельную специализацию на базе философского факультета РГУ осуществляется в период преподавательской деятельности А.В. Потемкина

А.В. Потемкину принадлежит разработка функционально-генетической концепции культуры, важное значение в которой уделяется понятию «миф». Сущность и формы социокультурного процесса рассматриваются им на основе исследования механизмов производства и трансляции знания в истории европейской культуры. Становление культуры связывается с особым статусом античной философии как мифологически оформленной рефлексии нового типа социального пространства [1].

В ряде работ А.В. Потемкин выявляет особую форму мифа (топонимическую) и обосновывает, вслед за А.Ф. Лосевым, идею существования иррелигиозной мифологии [1]. Исследование исторических путей развития культуры позволяет описать три основных культурных типа, представленных азиатским, античным греко-римским и новоевропейскими культурными мирами.

Новаторский подход к пониманию динамики культуры получает воплощение в концепции квантованности социокультурных процессов [1].

Ю.В. Прокопович. Рассмотрение диатрибической традиции с точки зрения непосредственного и опосредствованного знания. Со стороны людей,

занимающихся наукой и просто заинтересованных лиц накопилось множество вопросов к такому явлению, как философия. Среди них и такой: что же стоит за многовековым понятием «философия», и каков же, все таки, ее предмет.

А.В. Потемкин предлагает свое видение этой проблемы. Разработка ее привела А.В. Потемкина к обнаружению того, что он называет термином «диатрибика». Под «диатрибикой» А.В. Потемкин подразумевает схоластическую традицию преподавания и преподнесения философии. Иными словами, школярскую традицию, которая и представлена в существующей и поныне системе научения. Он включает сюда и всю учебно-методическую систему, сопутствующую системе обучения философии: словари, учебники, приемы изучения и т.д. [1, с. 201]. В ней отсекается результат от становления, но она позволяет выделить, что такое философия вообще (наука о всеобщем).

Но нас она интересует не со стороны этого вполне позитивного результата, а как раз со стороны ее рефлексии на способ его получения. В этом разрезе нас будет интересовать, каково место диатрибики в пространстве, задаваемом координатами непосредственного и опосредствованного знания.

Непосредственное знание несет в себе задачу прямого постижения истины. В обоих его видах – как в чувственной и как в интеллектуальной интуиции – предполагается непосредственное ее усмотрение. Касательно данного вопроса диатрибическая традиция претендует на достижение этого гносеологического идеала.

В работе «У истоков философской диатрибики» (второе издание книги «Проблема специфики философии в диатрибической традиции») автор раскрывает один из существующих в обозначенной традиции принципов передачи ученикам знаний, который сходен с принципом древнеиндийских «упанишад». Он заключается в следующем: ученик, постоянно находясь возле своего учителя, получает возможность непосредственно получать от него знания, мудрость. При этой системе знание сакрализуется и становится недоступным для «непосвященных». Платон представлял философию как «искусство» особого рода. [1, с. 271]. Этот принцип оказал большое влияние на становление самой образовательной системы.

Такой подход несет в себе следующие негативные моменты: идеализация и абсолютизация философии, вера в могучий интеллект и избранность мудре-

цов, которым доступны особые виды знания, что, в свою очередь, может привести к заблуждениям насчет места и роли философии вообще.

Кроме прочего, при таком подходе происходит симплификация всей проблематики философии и нивелируется задача выработки навыка самостоятельного мышления.

Опосредствованное знание принято понимать, напротив, как опирающееся на общенаучные методологические принципы и логические приемы. Но и здесь находит свое применение весь инструментарий диатрибической традиции. Дело в том, что все традиционные приемы общей логики не выходят за пределы непосредственности, поскольку предполагают соблюдение формального принципа тождества. [12, с. 186].

Таким образом, непосредственное знание во всех его видах и диатрибика обнаруживают сущностное родство.

А.Г. Лисицына. Понятие мира и его смысловая многомерность в философии и культуре. Как мы знаем, одной из главных тем (если не самой главной) в трудах Алексея Васильевича Потемкина была проблема социогенеза философии, проблема «поиска критериев для выделения философии из социокультурной стихии» [13, с. 98]. Один из вопросов, являющийся составной частью данной проблемы, – это вопрос о природе категорий философии и их становлении. Качество, количество, пространство, время, движение, причина – все это категории, в форме которых человеческое мышление отражало мир задолго до появления философии, хотя человек и не осознавал этого и не делал данные категории предметом своего специального осмысления. «Подобно тому, как экономические категории не создаются профессиональными экономистами, хотя последние и выделяют их из общественного сознания своей эпохи, так категории вообще не есть продукт творчества профессионалов-логиков, а производятся людьми в ходе формирования их мышления» [1, с. 160], – пишет А.В. Потемкин в работе «В лабиринтах философии».

Все это справедливо и для понятия. (Как известно, понятие и категория не тождественны: к категориям относятся только предельно общие, фундаментальные понятия, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания.) Именно поэтому мы так часто сталкиваемся с ситуацией, когда многие слова, войдя в понятийный дискурс философии и социально-гуманитарных наук, продолжают одновре-

менно функционировать в обыденном языке, в искусстве, морали и т.д., то есть сохраняют свою прежнюю роль на уровне общественного сознания. В качестве примеров можно здесь привести такие понятия, как человек, общество, добро, долг, справедливость, свобода.

Данная работа посвящена прояснению содержания такого важного понятия социальной философии, как понятия «мир». Под миром принято понимать состояние отношений между странами и народами, характеризующееся отсутствием войн и вооруженных конфликтов. Однако понятие мира отнюдь не исчерпывается данным определением. Следует отметить многозначность этого слова и множественность его смысловых измерений в философии и культуре.

Прежде всего в научной литературе по данному вопросу принято проводить различие между узким понятием мира (т.н. «*негативным миром*»), и более широким понятием («*позитивным миром*») [14]. Последний охватывает наряду с отсутствием военного насилия, названного Й. Гальтунгом *прямым насилием*, также и отказ от *структурного*, опосредованного насилия. Он означает требование устранения «основывающейся на насилии культуры» [15, с. 362], репрессивных или эксплуататорских структур в обществе.

В зависимости от того, какую сферу жизни человеческого общества мы берем для рассмотрения, и от того, кто выступает субъектом мирных отношений, можно выделить следующие виды мира: международный мир, гражданский мир (мир внутри государства), религиозный мир, социальный мир, внутренний (душевный) мир на индивидуальном уровне.

Не только для нормального развития общества, но и просто для выживания человечества сегодня необходим мир, мир на всех уровнях и по всем вышеназванным аспектам.

М.В. Волков. Историческая методология евразийцев: диалектика или диатрибика?

Термин *diatribicos* происходит от древнегреческого слова *diatribe* и имеет всего одно значение – «школьнический, школярский». Слово *diatribe* в латинском языке имело два значения: 1) философская или риторическая школа; 2) спор, обсуждение. Для А.В. Потемкина «диатрибическая традиция» есть прежде всего: «порядок преподнесения философии в процессе обучения, передаваемый от одного поколения учителей к другому» [1] так, что результат оставляет позади себя становление. В этом смысле любая попытка навязать

тривиально-традиционный смысл или готовую форму предмету может быть названа диатрибикой. Особенно такая опасность актуальна в историософии, где поиск смысла или логики истории часто подменяется подгонкой истории под готовую схему. Евразийцы, по нашему мнению, по исходу ищут путь, как раз в противовес этому, реализовать диалектику логического и исторического в понимании истории, насколько успешно – это другой вопрос.

Для Л.П. Карсавина история являлась наукой о «развитии человечества в целом» [16, с. 277]. Историческая наука должна изучать не только прошлое, но и настоящее, выявляя таким образом движущие силы истории. В то же время евразийцы не ставили себе цель выявить «законы», определяющие пути исторического процесса. По мысли Г.В. Флоровского, любая попытка установления «плана исторического процесса» приводит историка в тупик. «Если нам, – писал Г.В. Флоровский, – начинает казаться, что исторической жизнью управляют железные законы рокового предопределения, то это только потому, что из этой предпосылки мы исходили» [17, с.420]. Следовательно, продолжает он, неправомерно деление истории на древнюю, средневековую и новую. Такое разделение искусственно, так как каждый из перечисленных этапов всемирного исторического процесса представляет собой законченный исторический цикл. Евразийцы не приняли теорию «общественно-экономических формаций», считая, что она исходит из реалий западноевропейской истории и непригодна в понимании цивилизаций Азии, Африки. По мнению Л.П. Карсавина, главной задачей исторического мышления «является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта» [16, с.81

В историософии Л.П. Карсавина Церковь, а не какое-либо этническое начало, предстает главным действующим лицом мировой истории. Рассматривая идеальную схему развития субъектов исторического процесса, Л.П. Карсавин приводит трехчленную схему, включающую «*первоединство – саморазъединение – самовоссоединение*» [18, с.43]. Эта схема близка к гностическим триадам и к троичным схемам, имеющим своим прообразом Пресвятую Троицу. Таким образом, многие элементы философии Л.П. Карсавина восходят к античной философии (Прокл, Плотин) и христианской традиции (Августин), без влияния которых не обошлось и формирование классической немецкой диалектики. Важно отметить тот факт, что концепция философии ис-

тории Л.П. Карсавина исходит из признания единства человеческой истории, которое осуществляется трансцендентным образом через всегда существующую Церковь. Но признавая описанное видение мировой истории, евразийцы вступали в противоречие, фактически заменяя одну диатрибическую схему другой, ведь в христианской доктрине все человечество едино, имеет общую историю, общие морально-этические ценности. Идея многолинейности исторического процесса предполагает отсутствие единой общечеловеческой цивилизации, общих ценностей для всех культур. Это противоречие не было преодолено в работах евразийцев.

О.Ф. Иващук. Подводя итоги, стоит отметить, что диатрибика не только жива, но и правит бал. Уже поэтому отточенные А.В. Потемкиным линзы, глядя в которые можно ее обнаружить и, опознав, преодолевать, в том числе и как свой, не всегда самому себе явный теоретический грех, являются сегодня, как никогда, актуальными. Нельзя быть «титолованным» диалектиком, удерживаться в напряжении мысли – это трудный процесс. Алексей Васильевич преподал нам урок такого напряжения и своим творчеством, и всей своей жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потемкин А.В.* Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-н/Д, 2003.
2. *Маркс К.* Введение // Маркс К. Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т.46. Ч.1.
3. *Hegel G.W.F.* “Glauben und Wissen”. Felix Meiner Verlag. Hamburg.1986.
4. *Щитов А.А.* О конкретно-историческом характере простой формы // Щитов А.А. Становление диалектико-материалистической концепции формы и содержания. Ростов-н/Д, 1989. Гл.1, §3.
5. *Ринг К.* Проект «Омега». М., 1998.
6. *Мозн Ж.-П.* Доисторический период в действии. Современное состояние исследований (1988-2000) // История человечества. Т. 1. Доисторические времена и начала цивилизации / Под ред. З. Лаата. М., 2003.
7. *Потемкин А.В., Ромек Е.А.* От абстрактно-генерализирующей к функционально-генетической концепции культуры // Потемкин А.В. Мета-

- философские диатрибы на берегах Кизитеринки. Пособие для студентов и преподавателей. Ростов-н/Д, 2003.
8. *Потемкин А.В.* Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-н/Д., 2003.
  9. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе. Сочинения. Т.3. Издание второе. М., 1955.
  10. *Лифшиц М.А.* Мифология древняя и современная. – Режим доступа: <http://mesotes.narod.ru/lifshiz/mif/mif-sod.htm>.
  11. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 2003.
  12. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974.
  13. Философский факультет РГУ: история и современность. Ростов-н/Д, 2002.
  14. Культура мира и демократии. М., 1997.
  15. *Galtung J.* Frieden mit friedlichen Mitteln. Münster, 2007.
  16. *Карсавин Л.П.* Философия истории. Сост. С.С. Хоружий. Памятники религиозно-философской мысли Нового времени. М., 1993.
  17. *Флоровский Г.В.* О народах неисторических: Страна отцов и страна детей// Основы евразийства, М., 2002.
  18. *Карсавин Л.П.* Религиозно-философские сочинения. Т. I. Сост. С.С. Хоружего. М., 1992.